

Глава 91: Избиение Гао Цюаня

Сначала воздушные клинки, потом летающие мечи! Атака Гао Цюаня продемонстрировала истинную силу стадии Истинного Дыхания. К тому же это произошло после того, как Ван Баолэ сбросил с себя давление Истинного Дыхания. В противном случае ни один боец стадии Древних боевых искусств не смог бы противостоять противнику на стадии Истинного Дыхания. Такой была её давящая природа.

Глаза Ван Баолэ загорелись. Он был готов к чему-то подобному, поэтому не стал сбавлять скорость. С появлением клинков ветра и летающих мечей он вскинул руку, на которой блеснула пурпурная перчатка. От неё исходило странное свечение, к тому же в ней подобно взведенной пружине скрывалась духовная сила. Это явно был необычайный предмет. Её Ван Баолэ снял с руки убитого им старика в Туманолесье. Впоследствии он модифицировал перчатку. В итоге сокровище стало еще сильнее.

Перчатка не только могла создавать бурю, теперь она могла усиливать владельца. В его арсенале не было предмета с атакующей силой выше, чем у этой перчатки.

Как только Ван Баолэ натянул перчатку и сжал пальцы, в неё хлынул весь кровавый ци из тела, словно открылся какой-то шлюз в плотине. Поднявшийся кровавый ураган быстро разошелся во все стороны. При его встрече с клинками ветра Ван Баолэ сделал широкий шаг вперед, поднял руку и вертикально рубанул ладонью воздух.

В этот раз со свистом появилось около десяти летающих мечей. Вместо того чтобы атаковать Гао Цюаня они закружились вокруг Ван Баолэ, защищая его. Став чем-то вроде ощерившегося острыми лезвиями шара, он налетел на клинок ветра. Раздался треск и грохот. Один за другим разбивались летающие мечи, а потом и пал ураган Ван Баолэ. Тем не менее ему удалось пройти через клинок ветра. К моменту, когда он вновь стал видим зрителям, Гао Цюань послал в него три летающих меча. Ван Баолэ с рёвом достал еще один дхармический артефакт... шарики для создания Барьера золотого колокола.

Вместо того чтобы защитить владельца шарики накрыли несколькими слоями Барьера золотого колокола летающие мечи. Поднявшийся звук взметнулся до самых небес. Три летающих меча разбились вместе с половиной Барьера золотого колокола. В этот момент Ван Баолэ последним рывком наконец добрался до Гао Цюаня.

— Гао Цюань, готовься вкушать горечь поражения!

Проректор поменялся в лице и попытался отступить, но с удивлением обнаружил, что уступал в скорости Ван Баолэ. В ходе погони глаза Ван Баолэ горели решимостью.

— Ван Баолэ, тебе совсем жить надоело? — воскликнул проректор, когда Ван Баолэ ударил в него кулаком.

Глаза Гао Цюаня свирепо блеснули. Во время отступления он прикрывался небольшим барьером. Вскинув обе руку, он приготовился использовать свою силу. Если маленький барьер защитит его от атаки Ван Баолэ, то у него появится время на еще одно заклинание. Но тут... Ван Баолэ схватил барьер левой рукой, в эту же секунду начиная с пальцев по всему его телу прокатился шок.

Ван Баолэ задрожал, в уголках губ показалась кровь. Соппротивление маленького барьера чуть не раздробило ему кости в левой руке. Терпя боль, он другой рукой молниеносно схватил Гао Цюаня за палец, с которого уже было готово сорваться новое заклинание. При виде

запаниковавшего проректора Ван Баолэ ехидно усмехнулся.

— Я давно хотел сломать тебе палец!

С этими словами он резко рванул вниз. Гао Цюань побледнел. Его палец пронзила острая боль, какой он еще никогда не чувствовал. Однако он был экспертом Истинного Дыхания. Несмотря на жуткую боль и не такое крепкое тело, как у Ван Баолэ, он в прошлом имел культивацию Укрепления пульса. Проигнорировав боль, он ударил в Ван Баолэ свободной рукой. К несчастью, он среагировал слишком медленно. Ван Баолэ с усмешкой замахнулся и ударил ногой в пах Гао Цюаню!

— Хочешь исключить меня?

В этот удар Ван Баолэ вложил всю свою силу. После удара Гао Цюаня больше не мог терпеть боль и закричал. От чудовищной рези в паху, затопившей болью тело подобно цунами, его лицо позеленело. Ван Баолэ вновь оказался рядом. Он почти целый месяц был вынужден сдерживать желание избить Гао Цюаня. Наконец настал момент, когда он смог выплеснуть накопившуюся ярость.

— Гао Цюань, хочешь замарать моё доброе имя? — взревел Ван Баолэ.

В грудь проректора пришелся очередной удар кулака. Из рта Гао Цюаня брызнула кровь, а его самого отбросило назад. Из области паха по всему телу расходились волны боли. Он находился на стадии Истинного Дыхания. Несмотря на жуткую боль, его глаза кровожадно загорелись. На шее, лбу и теле вздулись вены.

— Ах ты, ублюдок! Сдохни! — закричал Гао Цюань.

Раскинув руки в стороны, он засиял светом, похожим на цвет неба. Из него к Ван Баолэ медленно поплыла голубая фигура. Это был не дух или душа, а запретная техника стадии Истинного Дыхания. Она использовала духовные корни, чтобы те ассимилировали врагов и поглотили их! Это обычно означало смерть.

К ней прибегали только тогда, когда жизнь практика висела на волоске. Но сегодня Гао Цюань использовал против Ван Баолэ всё, что у него было.

Ван Баолэ прищурился. Почувствовав опасность, он тоже кровожадно посмотрел на противника.

— Это ты смерти ищешь! — холодно бросил он.

Он крепко стиснул перчатки, намереваясь её взорвать. Когда до начала действия запретной техники Гао Цюаня и взрыва перчатки оставались считанные мгновения, весь пик ректора внезапно тряхнуло. Подавляющая формация невероятной силы на горе была приведена в действие, создав неопишуемую отражающую силу. В этот же миг возник защитный барьер, который разделил сражающихся.

Гао Цюань вздрогнул, его запретная техника была прервана. Он отступил и утер капающую с губ кровь. Перчатка Ван Баолэ тоже не взорвалась. Новая сила оттолкнула его назад.

В руке ректор сжимал пайцзу. Она ярко засияла, действуя в унисон с подавляющей силой горы. Очевидно, ректор без колебаний использовал магическую формацию, чтобы прекратить этот вышедший из-под контроля поединок.

К удивлению Ван Баолэ после атаки Гао Цюаня примешалось сожаление. Он сделал глубокий вдох и накрыл ладонью кулак перед ректором.

— Благодарю, ректор.

Гао Цюань был мрачнее тучи. Даже не взглянув на Ван Баолэ, он в ярости закричал ректору:

— Этот юнец своим нападением продемонстрировал крайнюю степень неуважения. Я собирался преподать ему заслуженный урок. Так почему вы остановили меня?

Зрители притихли. С одной стороны, они всё еще находились под впечатлением после атаки Ван Баолэ. С другой, им показалось, что ректор в этом конфликте занял сторону Ван Баолэ.

— Почему я остановил тебя? — бесцветно переспросил ректор. — Ты действительно думаешь, что я сделал это ради спасения студента?

Гао Цюань застыл и резко перевел взгляд на Ван Баолэ, а потом на его перчатку. От внезапного осознания он покрылся холодным потом и тяжело задышал. В глазах проректора промелькнул страх. Старый доктор усмехнулся и повернулся к Ван Баолэ. Его взгляд тоже на мгновение задержался на перчатке.

Ван Баолэ моргнул, похоже, ректору удалось раскусить часть его плана. На самом деле во время модификации перчатки он сделал в ней полость, заполненную большим количеством ядом краснокостной белолицей змеи. Такое количество яда после взрыва перчатки превратило бы Гао Цюаня в груды алых костей еще до того, как он успел бы закончить заклинание! Это был козырь Ван Баолэ.

Если бы Ван Баолэ не остановил ректор, то он объяснил бы ситуацию тем, что проректор первым использовал против него летальную технику, и он убил его в рамках самообороны.

Хоть ректор и раскусил его план, Ван Баолэ не чувствовал себя виноватым. Следуя совету из автобиографий высокопоставленных чиновников, где говорилось, что в определенных ситуациях надо позволять лидерам чувствовать собственную значимость, он послушно снял перчатку и убрал её в бездонный браслет. Поклонившись, он с раскаянием опустил голову.

— Ректор, я виноват в том, что ударил проректора. Я позволил эмоциям взять над собой верх.

Раскаяние Ван Баолэ немного смягчило гнев старого доктора, и всё же он не мог просто закрыть на всё глаза. Ему требовалось отчитать нерадивого студента. Внезапно Ван Баолэ достал небольшую записную книжку, словно предугадав намерения ректора. Казалось, он был готов почтительно кивать и записывать всё, что скажет ректор.

Люди вокруг пораженно на него уставились. Даже Гао Цюань ненадолго забыл о гневе и страхе, слишком велико было его удивление. Ректор не знал то ли плакать, то ли смеяться. Ему сразу вспомнился их разговор на летающем корабле, когда Ван Баолэ еще не поступил в академию. Это остудило его гнев.

— Ладно, я знаю с тобой обошлись несправедливо, — строго сказал он, — чтобы такого больше не было!